

ПАРАДИГМЫ И ПРИНЦИП ИНТЕРНАЛИЗМА: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «РАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИЕМЛЕМОСТЬ»

**Никоненко Сергей
Витальевич** – доктор
философских наук,
профессор.
Санкт-Петербургский
государственный
университет.
Российская Федерация,
199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9;
e-mail: [serg_nikonenko@
rambler.ru](mailto:serg_nikonenko@rambler.ru)

Статья посвящена рассмотрению рецепции идей Т. Куна (и его последователей) в рамках внутреннего реализма. Тезисы статьи: Учение Куна не содержит в себе однозначного понимания того, на каком основании идеи внутри парадигмы являются приемлемыми для ученого; посткуновские дискуссии в области эпистемологии научного знания приобретают «человеческий» характер и ведутся вокруг понятия «рациональная приемлемость»; теоретические позиции релятивизма и внутреннего реализма (интернализма) в равной степени могут быть выведены из учения Куна; эссенциалистская программа внутренних реалистов чрезмерно сосредоточена на критике релятивистских следствий из учения о парадигме; выявленные противоречия релятивистской рецепции Куна побуждают предпочесть позицию внутреннего реализма. Показано, что теория Куна изначально располагает к превращению ее в более последовательную двумя путями: либо за счет радикального антиреализма, либо за счет интерналистского подхода, когда в рамках парадигмы выстраивается собственная эпистемология с обязательным определением того, что считается реальным и объективным. Рациональная приемлемость регулирует «ценностный» аспект, т.е. предпочтение определенной теоретической модели. Выводы исследования: в интернализме не теряется представление об intersubъективном характере научного знания; рациональная приемлемость в интернализме играет сдерживающую роль в отношении индивидуальных воль ученых, выступая коллективной формой интенциональности, предваряющей любое частно-научное исследование эпистемологическими предпосылками; критерий рациональной приемлемости позволяет сдерживать склонность любого языка замыкаться в собственном контексте; рациональная приемлемость в интернализме успешно балансирует между догматизмом и скептицизмом; реалистический и рациональный характер понятия «приемлемость» позволяет отвергнуть релятивистский тезис о замкнутости науки в рамках частной парадигмы и допустить, что всегда имеется «не-парадигмальная» составляющая, коренящаяся в философском осмыслении науки.

Ключевые слова: Кун, парадигма, интернализм, рациональная приемлемость, эпистемология

PARADIGMS AND THE PRINCIPLE OF INTERNALISM: AN ANALYSIS OF THE CONCEPT OF RATIONAL ACCEPTABILITY

Sergei V. Nikonenko –
DSc in Philosophy, Professor.
Saint Petersburg State
University.
7–9 Universitetskaya Emb.,
Saint Petersburg 199034,
Russian Federation;
e-mail: serg_nikonenko@
rambler.ru

The article is devoted to the consideration of the relationship of T. Kuhn (and his followers) with representatives of the school of internal realism. Theses of the article: Kuhn's teaching does not contain an unambiguous understanding of the basis on which ideas within the paradigm are acceptable to a scientist; post-Kuhn discussions in the field of epistemology of scientific knowledge acquire not historical, but "human" character; they are conducted around the concept of "rational acceptability"; theoretical positions as epistemological anarchism, similarly, internalism can equally be deduced from Kuhn's teaching; the essentialist program of internal realists is excessively focused on criticizing the relativistic consequences of the doctrine of the paradigm; the revealed contradictions of Kuhn's relativistic and internalist receptions prompt rejection of both these receptions. It is shown that Kuhn's theory initially disposes to its transformation into a more consistent one in two ways: either due to radical antirealism, or due to an internalist approach, when its own epistemology is built within the framework of the paradigm with a mandatory definition of what is considered real and objective. Rational acceptability regulates the "value" aspect, i.e. preference for a certain theoretical model. Conclusions of the study: in internalism, the idea of the intersubjective nature of scientific knowledge is not lost; rational acceptability in internalism plays a restraining role in relation to the individual wills of scientists, acting as a collective form of intentionality that precedes any private scientific research with epistemological prerequisites; the criterion of rational acceptability is conservative, since it allows us to restrain the tendency of any language to lock itself in its own context; rational acceptability in internalism successfully balances between dogmatism and skepticism; the realistic and rational nature of the concept of "acceptability" allows us to reject the relativistic thesis about the closeness of science within a particular paradigm and assume that there is always "not-paradigmatic" component, rooted in the philosophical understanding of science.

Keywords: Kuhn, paradigm, internal realism, rational acceptability, epistemology

Постановка проблемы

Томас Кун предложил эпистемологическую дилемму относительно статуса научного знания: по каким критериям ученые внутри парадигмы принимают основные теоретические положения – на основе конвенционального согласия или будучи убежденными в истинности и объективности этих положений?

В этой связи, оказывается значимым исследование понятия не только знания и истины, но и оснований *приемлемости* (acceptability) определенного знания и определенной истины. Вслед за Хилари Патнэмом, приемлемость оправдано называть рациональной, поскольку в сознании ученого оказывается актуальным вопрос не только обоснования, но и выбора. Теория парадигмального развития Куна в рамках аналитической философии рассматривается в широком контексте неопрагматистских дискуссий, внутри которых, в ходе критической рецепции идей Куна, намечаются два основных вектора развития: в релятивистском ключе и реалистическом ключе. Сторонники реалистической интерпретации сохраняют принцип всеобщего согласия внутри парадигмы и стремятся элиминировать из этого принципа субъективизм и волюнтаризм. Согласие ученых внутри парадигмы, полагают они, возможно лишь на основе рационально приемлемой эпистемологии, общности представлений о той «реальности», которую изучает наука. Тем самым представители современного реализма подводят под учение Куна эссенциалистские основания.

Актуальность темы исследования заключается прежде всего в попытке расширить поле посткуновских дискуссий об основаниях научного знания. Мы полагаем, что теория парадигмального развития науки порождает два способа интерпретации: с позиций принципа релятивизма и с позиций принципа интернализма (под *интернализмом* понимается следующая точка зрения: на вопрос «Из каких объектов состоит мир?» можно ответить только в рамках какой-либо теории или описания). При этом настоятельна задача яснее прочертить далеко не всегда очевидную связь между идеями Куна и «интерналистки» ориентированных реалистов, прежде всего Х. Патнэма (в том числе и с точки зрения Куна на реализм). Как мы полагаем, интерналистская рецепция теории Куна прежде всего стремится «вернуть» в его идею парадигмы эпистемологические основания, выступая не только критической рецепцией, но и формой развития куновских идей.

Мы выдвигаем следующие положения.

1. Учение Куна о парадигме не содержит в себе однозначного понимания того, на каком основании идеи внутри парадигмы являются приемлемыми для ученого.
2. Посткуновские дискуссии в области эпистемологии научного знания приобретают антропологический, «человеческий» характер.
3. Теоретические позиции релятивизма и интернализма в равной степени могут быть выведены из учения Куна (под *релятивизмом* понимается точка зрения, согласно которой любые научные теории одинаково возможны и допустимы).
4. Эссенциалистская программа Патнэма и других внутренних реалистов чрезмерно сосредоточена на критике релятивистских следствий из учения о парадигме. В этой связи,

сторонники интернализма развивают идеи Куна прежде всего как критику Куна (под *эссенциализмом* мы понимаем термин, согласно которому концептуальная схема обязательно служит описанием сущности объектов и событий в мире).

5. Необходима ли рациональная приемлемость, чтобы разделять основные принципы в рамках парадигмы?

Наиболее известным куновским определением парадигмы является следующее: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун, 2002, с. 17]. С аналитической точки зрения в определении содержатся два положения:

1. парадигмы суть «научные достижения», т.е. базовые положения в области той или иной науки;
2. положения внутри парадигмы прежде всего признаются, разделяются большинством ведущих специалистов в данной предметной области. Они могут быть истинными или ложными или казаться таковыми. Но безусловно то, что они «приемлемы» (в смысле не только английского прилагательного “acceptable”, но и прилагательного “warrant”, т.е. приняты в виде договорной гарантии, приняты в отношении поручительства того, что они наиболее правдоподобны).

Положения теории Куна и его дискуссии с Поппером, Лакатосом, Куайном, Патнэмом, Фейерабендом и др. оставляют нас в убеждении, что между положениями (1) и (2) присутствует противоречие. На основе положения (1), Кун выступает сторонником научного прогресса. Каждая новая парадигма, разрешая тупики и противоречия «головоломок» старой парадигмы, дает более точные и правдоподобные ответы на вопросы в рамках очерченной предметной области (и саму предметную область она очерчивает более четко). Кун пишет: «Более поздние научные теории лучше, чем ранние, приспособлены для решения головоломок в тех, часто совершенно иных условиях, в которых они применяются. Это не релятивистская позиция, и она раскрывает тот смысл, который определяет мою веру в научный прогресс» [Там же, с. 264]. Кун выступает здесь противником точки зрения на науку, согласно которой научные идеи истинны в рамках теории и практики собственной эпохи. Когда старые парадигмы раскритикованы и отброшены, они представляют интерес лишь для историков науки, но никак не для ученых, ведущих актуальную научную работу.

Оптимистическая риторика относительно прогрессивности науки через смену парадигм, словно волна о скалу, разбивается о положение (2) относительно принципа необходимости согласия ученых внутри парадигмы. «Формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается данное научное сообщество в данное время,

всегда являются личные и исторические факторы – элемент по видимости случайный и произвольный», – считает Кун [Кун, 2002, с. 27]. И далее: «В первую очередь парадигма управляет не областью исследования, а группой ученых-исследователей» [Там же, с. 231]. Когда Кун признается в том, что он не релятивист, к этому следует прислушаться. Однако выдвинутый им принцип конвенционализма относительно принятия теоретических положений науки может дать повод трактовать его учение как релятивистское.

Научное сообщество, по Куну, складывается не стихийно, а по определенным принципам: вокруг крупнейших ученых, научных корпораций, идей «третьего мира» (монографии, статьи в крупнейших журналах, доклады на конференциях и симпозиумах, экспериментальные отчеты, учебные пособия, учебные программы и т.д.). При этом такое сообщество в наши дни утратило вид цехового объединения; никакой самый крупный симпозиум, никакая научная база не способны в наши дни охватить всех без исключения специалистов в определенной области. Но даже при таких условиях оно все же остается упорядоченным.

Очевидно, что мнение научного сообщества формируется постепенно, коллегиально, посредством дискуссии. И тем самым оно уже существенно защищено от произвольных и поспешных допущений. Однако налицо и то, что Кун тяготеет к *антиреалистическому* пониманию приемлемости, которая для него включает объективность вовсе не как первостепенное условие. Приемлемость у Куна – это *убежденность в собственном теоретическом выборе* ученого. В трактовке приемлемости Кун ближе к антиреализму, нежели к реализму. Заметим: в поздний период антиреалистические пристрастия Куна становятся еще более очевидными. Это особенно проявляется в отказе от корреспондентной теории истины. «Если понятие истины должно играть какую-то роль в развитии науки, в чем я убежден, то истина не может быть чем-то похожим на соответствие реальности. Подчеркиваю: я не считаю, что существует реальность, до которой наука не может добраться. Мне кажется, скорее понятие реальности, которое обычно используется в философии науки, вообще не имеет смысла», – отмечает Кун [Кун, 2014, с. 162]. Таким образом, предложенный Куном подход относительно научного сообщества оказывается в отношении противоречия с его же убеждением в том, что новая парадигма лучше, убедительнее, перспективнее, более истинна, нежели старая. Как мы полагаем, теория Куна может быть интерпретирована двумя путями: либо за счет *радикального антиреализма*, постулирования принципов непереводимости, случайности и эпистемологического анархизма, либо за счет последовательно *интерналистского* подхода, когда в рамках парадигмы выстраивается собственная эпистемология с обязательным установлением того, что считается реальным и объективным.

Что такое рациональная приемлемость?

Понятие «рациональная приемлемость» является общеупотребимым в философии неопрагматизма. В качестве отправной точки мы берем определения этого понятия, предложенные Хилари Патнэмом. Он придерживается следующей позиции: «Согласно интерналистской точке зрения, “истина” представляет собой своего рода разновидность (идеализированной) рациональной приемлемости, т.е. некую разновидность идеальной согласованности наших убеждений друг с другом и данными нашего опыта, *в той степени, в какой эти данные репрезентированы в нашей системе убеждений*, а отнюдь не соответствие независимым от сознания или речи “положениям дел”» [Патнэм, 2002, с. 70]. Понятие приемлемости позволяет определить, на каких основаниях субъект способен предпочесть и избрать ту или иную теорию. Критерии приемлемости не обязательно «субъективны» (в трансцендентальном смысле); но они обязательно предполагают выбор и аксиологический аспект.

Критикуя чистый верификационизм (к примеру, А. Айера и отчасти К. Поппера), Патнэм пытается убедить нас в том, что нет ни одной научной теории, не тяготеющей к эссенциализму, т.е. не укладывающейся в предустановленную «картину мира», задаваемую эпистемологическими критериями референции и репрезентации. Патнэм остается верным общему для прагматизма стремлению: вернуть в науку человека, отказавшись от «кантианской» теории абстрактного рационального субъекта, а также отвергнуть учение, согласно которому могут существовать факты, независимые от эпистемической позиции. «Существует чрезвычайно близкая связь между понятиями *истины* и *рациональности* <...> Единственный критерий для того, что является фактом – то, что это *рационально* приемлемо <...> Но отношение между рациональной приемлемостью и истиной – это отношение между двумя различными понятиями. Утверждение может быть рационально приемлемо *в некоторое время*, но не *истинно*; и эта реалистическая интуиция будет сохранена в моей теории», – отмечает Патнэм [Там же, с. 10]. Подытожим общую суть позиции Патнэма: никакая теория не может претендовать на то, чтобы стать точным представлением действительности; рациональная приемлемость регулирует «ценностный» аспект, т.е. предпочтение определенной теоретической модели; в основе рациональной приемлемости лежит эпистемологическая доктрина, позволяющая отнести все концептуальные схемы к определенному «миру».

Два посткуновских подхода, или Почему интернализм предпочтительнее релятивизма?

Любой классик философии может быть интерпретирован с различных, порой противоположных, точек зрения. Кун не является исключением. В неопрагматистской философии науки формируются две партии. Представители одной партии (П. Фейерабенд, Р. Рорти, К. Пикок и др.) связывают теорию парадигм Куна (присовокупляя к ней идеи позднего Витгенштейна, Куайна и Селларса) с представлением о лингвистическом характере научных теорий. Представители другой партии (Д. Дэвидсон, Х. Патнэм, Н. Гудмен, С. Крипке, Дж. Серл, Дж. Мак-Дауэлл и др.), наоборот, считают, что ученые в рамках парадигмы обязательно опираются на внеязыковые критерии, определяющие описываемый в научной теории «мир».

Фейерабенд и Рорти активно развивают социальные аспекты теории Куна, подводя под его историко-научные размышления фундамент натурализма и лингвистического релятивизма. Для них важен тесный симбиоз идей Куна и Куайна, которые позволяют ученому окончательно порвать с любыми формами эмпиризма и верификационизма, превратив выработку научной теории в исключительно приватный, ничем не сдерживаемый, абсолютно свободный проект по сотворению собственного теоретического языка. Научное сообщество понимается как конгломерат ученых, возникший в силу множества исторических случайностей, к тому же всегда недостаточно консолидированный. Положения учений Фейерабенда и Рорти здесь в созвучии: предмет исследования, научные достижения, научные сообщества во многом являются порождением серии исторических случайностей, но сама деятельность ученого не случайна; она вдохновлена миссией пытливого, свободного, анархистского исследования.

Куну для его схемы истории науки просто необходим принцип эпистемологической нейтральности: в каждой парадигме (явно или неявно) формируется собственная эпистемология, но она не является составной частью некоей всеобщей «Эпистемологии» с большой буквы. Допустим «сквозной» вопрос, который, вероятно, ставился во всех без исключения парадигмах: из каких сущностей состоит мир и по каким законам он устроен? Как мы полагаем, Кун сохраняет веру философов «старой школы» (Рассел, Уайтхед, Поппер и др.) в то, что наука – это форма знания и форма культуры. Самоустраняясь от метафизических вопросов, Кун видит свою миссию лишь в том, чтобы предложить свою концепцию истории науки.

Однако нечеткость представлений Куна об общем характере научного знания позволяет развивать идеи Куна в духе анархизма

и релятивизма. Как подмечает М. Молески: «Я считаю, что сопротивление Куна, когда его относят к релятивистам, скорее, риторическое, нежели серьезное» [Moleski, 2020, p. 19]. Молески выдвигает холистический тезис о контекстуальности и непереводаемости по отношению к парадигме, и, оказывается, парадигма уже автономна, самодостаточна. Находясь внутри парадигмы, мы испытываем чувство «солидарности» с единомышленниками и настолько поглощены текущей работой, что некогда задумываться о том, какое «место» наша парадигма займет в такой малопонятной сущности, как «всеобщая история науки». Также из-под теории Куна можно выбить и эмпирический фундамент, доказывая, что новая парадигма вовсе не ставит целью достижение «более правдоподобного описания действительности». Для этого можно применить стратегию критики Мифа Данного У. Селларса. «Сама идея того, что эпистемические факты можно полностью разложить (даже “в принципе”) на неэпистемические, – неважно, феноменальные или поведенческие, публичные или субъективные, со сколь угодно большим числом оговорок и допущений – является, как мне кажется, радикальной ошибкой, причем ошибкой того же рода, что и так называемая “натуралистическая ошибка” в этике», – пишет Селларс [Селларс, 2021, с. 38]. Рорти заходит еще дальше. Опираясь на критику универсальной эпистемологии, он усматривает в Куне мыслителя, который оставляет эпистемологию лишь «для вывески».

Ученые заняты исключительно проблемами собственной парадигмы, где прописаны довольно четкие ответы на вопросы, что такое факт, объективность, подтверждение, теоретическое обоснование, истинность и т.д. Рорти рассуждает о Куне: «Кун должен был просто вообще отбросить эпистемологический проект. Но вместо этого он воззвал к “жизнеспособной альтернативе традиционной эпистемологической парадигме”» [Рорти, 1997, с. 240]. Получается, Кун пытается сочетать несочетаемое: представление образа науки как социального предприятия и требование создания объективной картины мира. Рорти выбирает первое: внутри парадигмы он ставит на первый план общение, «разговор», т.е. обмен мнениями и гипотезами, научную дискуссию вообще.

Дополняя позицию Рорти, можно отметить, что, сомкнувшись с технологиями, бизнесом, медиа, сплотившись в корпорациях, институтах, наукометрических базах, наука по-прежнему остро нуждается в оригинальных умах, ярких личностях, с которыми те же медиа или наукометрические базы могут ассоциировать целые области науки (отсюда повышенное внимание к «ведущим ученым»: С. Джобсу, Б. Гейтсу, Дж. Соросу, И. Маску и др.). Не стоит списывать со счетов и частный выбор ученого. Осознание пребывания на распутье, внутренний конфликт между старыми и новыми принципами, протекает не только в рамках сообщества, но и в индивидуальном сознании ученых.

Если можно говорить о том, что релятивисты в учении о парадигме допускают понятие приемлемости, то для них приемлемость вовсе не обязательно «рациональна». Такую линию интерпретации теории Куна хорошо разглядел Лакатос, бросая ей вызов. «Я решил искать лучшую методологию, которая способна дать более удачную *рациональную* реконструкцию науки», – отмечает Лакатос [Лакатос, 2022, с. 506]. Речь идет о явно или неявно осознаваемых «критериях предпочтения», понимании того, почему избрана именно такая, а не иная теория. Что же касается «фактов», то они оказываются внутриязыковым феноменом. Фейерабенд пишет: «Единого воззрения на физический мир просто не существует. У нас есть теории, которые “работают” в ограниченных областях. Предпринимаются чисто формальные попытки выразить их в единых формулах. Имеется какое-то количество необоснованных предположений (например, предположение о том, что вся химия может быть сведена к физике). Феномены, которые нельзя втиснуть в признанные структуры, замалчиваются» [Фейерабенд, 2010, с. 132]. Как нам представляется, Фейерабенд отстаивает релятивизм в отношении критериев объективности: то, что считается объективным (или «фактическим») в одной парадигме, может не считаться таковым в другой.

За провокационным принципом Фейерабенда “Anything goes” и не менее провокационным представлением Рорти о научной дискуссии как форме «разговора» скрывается хорошо продуманная и взвешенная позиция, утверждающая *дискурсивный* характер парадигмы. «Консервативность нормальной науки, по Куну, не связана с достижением истины или обоснованности научного знания. Это выражение особого социального и морального статуса ученых-экспертов», – подчеркивают И.Т. Касавин и В.Н. Порус [Касавин, 2020, с. 16]. Парадигмы – это *самые общие дискурсы в области науки*; их приемлемость задается самыми разными способами, среди которых рациональность – лишь один из них.

На фоне вошедшей в учебники линии преемственности «Кун – Фейерабенд», рецепция сторонников внутреннего реализма (интернализма) выглядит консервативно. Для внутренних реалистов наука остается весьма специфической, в чем-то замкнутой сферой познания, к которой далеко не всегда можно успешно приложить социальные и языковые критерии. И в этом они по-своему развивают Куна, делая его представление о парадигме более строгим (ученые стремятся прежде всего познать мир), умеряя куновский конвенционализм (наука – это коллегиальный проект, где любое теоретическое построение принимается на основе убеждения в истинности, рациональности и объективности).

Обращаясь к реалистической рецепции Куна, внутренние реалисты критикуют любые универсалистские построения относительно существования метафизического субъекта и единой мировой

Реальности; критерии реальности задаются внутри определенной эпистемологической модели. Поэтому Патнэм пишет: «Значение обретается в коммуникации. Окружающая среда сама по себе играет роль лишь в том, к определению чего относятся слова говорящего субъекта или сообщества» [Putnam, 2001, p. 36]. Обратим внимание на слово «сообщество» в высказывании Патнэма. Здесь имеется в виду именно куновское научное сообщество. Такая интерпретация не согласуется с проектом радикального развития идей Куна, предложенным Фейерабендом. Процитируем слова Л.Б. Макеевой. «Патнэм указывает, что в концепции Куна и Фейерабенда истина фигурирует только как внутритеоретическое понятие, вбирающее в себя такие свойства теории, как простота, когерентность, рациональная приемлемость и т.д. Но поскольку, считает Патнэм, для последовательного реалиста истина имеет смысл только как понятие, выражающее отношение между теорией и миром, этот отказ от понимания истины как соответствия реальности говорит о сильной антиреалистической направленности позиции Куна и Фейерабенда», – пишет она [Макеева, 1996, с. 66]. Здесь точно подмечено, что дискуссия вокруг Куна ведется, в сущности, даже не по поводу реализма, а по поводу того, какой тип антиреализма следует предпочитать. Внутренний реализм Патнэма, как мы считаем, – тоже форма антиреализма, но умеренного и, самое главное, ограничивающего лингвистические критерии.

Патнэмовская интерпретация осуществляет *поворот от языка к опыту* и, в определенной степени, восстанавливает приоритет эпистемологии в философии науки. Хотя взгляд интернализма на реальность носит «эпистемический» характер, представления о реальности, по меткому выражению Дэвидсона, стремятся быть объективными, насколько это возможно. Здесь мы тоже видим дискурсивность, но она не такая, как у Рорти или Фейерабенда. У Патнэма дискурс науки складывается как неразрывный симбиоз объективного и субъективного, внутреннего и внешнего, лингвистического и экспериментального. «Я хочу сказать, далее, что элементы того, что мы называем “языком” или “разумом”, проникают так глубоко в то, что мы называем “реальностью”, что сам проект представления нас как “картографов” чего-то “лингвистически независимого”, с самого начала обречен на провал. Наподобие релятивизма, но несколько иным способом, реализм невозможен как попытка посмотреть на мир из Ниоткуда», – отмечает Патнэм [Putnam, 1990, p. 28].

«Человеческая форма реализма» Патнэма может сформироваться только внутри парадигмы. Но она должна оставаться именно философской, метафизической, сверхнаучной эпистемологической доктриной, к которой работающий внутри парадигмы ученый всегда может обратиться для решения общих вопросов о мире. Наука сама по себе не способна выработать эпистемологии; она может лишь

предоставить для этого определенный теоретический задел. В патнэмовском представлении Кун может быть проинтерпретирован вовсе не как подрывающий основы наук реформатор, а как философ классического типа, отводящий парадигме скромное место в том смысле, что это частно-научное предприятие, которое по-прежнему обращается к философской эпистемологии там, где она необходима для решения общих вопросов.

Как однажды заметил Поппер, в современной науке тоже правит бал мода; отчего становящиеся под знамена новейших теорий порой становятся похожими на художников, музыкантов и медийных персон. «Куновское понятие “парадигмальной революции” открыло следующую возможность: в науке присутствует нечто большее, чем логика; т.е., как полагают критики, “психология массы” стала фактором принятия идей и открытий (или отказа от них) в качестве истинных или ложных», – отмечают Э. Коллинз и Р. Эванс [Collins, 2019, с. 205]. Мы же полагаем, что Кун был очень озабочен именно тем, чтобы не позволить трактовать свое учение о плюрализме парадигм в духе «смены моды». Сложность, вероятно, в том, что Кун на самом деле полагал, что взаимоотношения новой, современной и прежней парадигмы не являются простыми. Порой разрыв может быть столь радикальным, что может измениться даже, казалось бы, незыблемый экстенционал. Поэтому Кун утверждает: «Каузальная теория не действует в периоды революций, но она применима в периоды между революциями. Вы осознаете то, что произошло во время революции, а затем связываете это с тем, что было до нее. Я уже упоминал свою статью “Возможные миры в истории науки”, в которой говорил об ошибочности утверждения Патнэма о том, что “вода есть и всегда была H₂O”» [Кун, 2014, с. 418]. Кун неоднократно полемизирует с Патнэмом и другими реалистами в том, что они, на его взгляд, цепко держатся за классический для аналитической традиции взгляд Мура, Рассела и Поппера, согласно которому реальность мира может быть репрезентирована, определена, даже подчинена концептуальной схеме, но не может быть ею полностью описана и тем паче узурпирована.

Итак, почему интерпретация Куна, представленная внутренним реализмом (интернализмом), предпочтительнее релятивистской? Предложим несколько выводов:

1. В интернализме сохраняется положение об *интерсубъективном* характере научного знания. Парадигма, характеризующая научное сообщество, включает в себя принцип общего согласия относительно главных теоретических положений. Интерналистская интерпретация, на наш взгляд, гораздо ближе к правильному пониманию учения Куна о научном сообществе, нежели эпистемологический анархизм, ведущий к допущению индивидуалистических позиций.

2. Рациональная приемлемость в интернализме играет сдерживающую роль в отношении индивидуальных волей ученых, выступая ценностным «регулятором», своеобразной *коллективной формой интенциональности*, предваряющей любое частно-научное исследование эпистемологическими предпосылками. «Основные функции зависят от коллективной интенциональности <...> Очевидный факт, что люди и некоторые животные способны сотрудничать. Они могут сотрудничать не только, совершая действия, но также могут иметь общие цели, общие желания и общие убеждения», – отмечает Серл [Searle, 2010, p. 8]. Парадигма у интерналистов представляется как институционально оформленная корпорация, а не стихийно возникшее «либеральное сообщество».
3. Критерий рациональной приемлемости позволяет сдержать склонность любого языка замыкаться в собственном контексте. Крипке отмечает: «Адекватная теория должна допускать, что наши высказывания, включающие понятие истины, подвержены *высшей степени риска*: они рискуют быть парадоксальными, если эмпирические факты крайне (и непредвиденно) неблагоприятны» [Крипке, 2010, с. 210]. Перефразируем Крипке: всегда рационально предпочесть такое мнение, которое не вступает в конфронтацию с основными принципами того «мира», который мы представляем. В этой связи, внутри парадигмы «мир» понимается в свете принципа *эссенциализма*.
4. Рациональная приемлемость в интернализме успешно балансирует между догматизмом и скептицизмом, которые, по Куну, равно необходимы в истории науки. Гудмен подмечает: «Хваленое требование принятия мнения научным сообществом как критерия его истинности опровергается спорами, бушующими по самым основополагающим вопросам почти в каждой науке от психологии до астрофизики» [Гудмен, 2001, с. 255]. Выдвинутое Куном понятие «мнение научного сообщества» в интернализме оказывается абстракцией в том смысле, что оно никогда не бывает разделяемым всеми. Это именно *примерная*, часто неписаная совокупность основных теорий и положений. Желательно, конечно, принимать ее рационально (потому что иначе мы рискуем покинуть сферу научного знания); но это – прагматическая рациональность.
5. Реалистический и рациональный характер понятия «приемлемость» в интернализме позволяет отвергнуть релятивистский тезис о замкнутости науки в рамках частной парадигмы, допуская то, что всегда имеется «*не-парадигмальная*» составляющая, которая как раз и коренится в философском

осмыслении науки. Мы считаем справедливым аргумент В.В. Целищева против историцизма в отношении парадигм: «Историчность парадигм ведет к полному релятивизму, который отрицает возможность научного познания природы вообще, так как все парадигмы посредством которых ученые понимают природу, преходящи» [Целищев, 2021, с. 55]. Само по себе допущение того, что реальность может оказаться относительной к схеме (не эпистемически, а онтологически), ставит под сомнение статус науки в целом, как теоретической формы знания.

Заключение

В своей автобиографии Фейерабенд отметил, что он никогда не верил в монолитность науки как системы знания. «Сама наука содержит в себе конфликтующие между собой разделы с разными стратегиями, результатами и метафизическими кружевами. Это некий коллаж, а не какая-то система», – считает он [Фейерабенд, 2020, с. 246]. Аналогично рассуждает и Кун. «Формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается данное научное сообщество в данное время, всегда являются личные и исторические факторы», – пишет он [Кун, 2002, с. 27]. В данной работе мы попытались показать справедливость критики подобных суждений с позиций принципов интернализма и рациональной приемлемости.

Философия Хилари Патнэма преодолевает релятивизм в его глубинных основаниях. Внутренний реализм хотя и допускает плюрализм критериев реальности, делает реальность, объективность, фактичность, достоверность, строгость и т.п. необходимыми признаками любого языка или любой теории. Плюралистический реализм современности уже свободен от релятивизма; он преследует не деструктивные, а конструктивные цели. На наш взгляд, и в этом наше несогласие с реализмом Патнэма, мир существует и за пределами концептуальных схем. Патнэм не принял существования единого объективного мира, поскольку полагал, что в этом мире не найдется места для человека. Он считает, что если лишить реализм «человеческого лица», то он превратится в метафизический реализм, ориентированный на «безличную» науку.

Концепт «рациональной приемлемости», который мы исследовали в данной работе, на наш взгляд, служит как закономерной исторической вехой развития эпистемологии, так и наиболее явственной точкой столкновения теоретических позиций Куна и Патнэма. Истина при этом трактуется не как метафизическое понятие, а как совокупность теоретических положений, которые с рациональной точки

зрения являются *допустимыми, приемлемыми, обоснованными* для большинства специалистов в соответствующей предметной области науки.

Сохраняя плюрализм критериев реальности, установка рациональной приемлемости способна защитить от концептуального произвола. Можно сказать, перефразируя принцип эпистемологического анархизма Фейерабенда «Все годится», что внутренний реализм утверждает противоположное: «Не все годится». Заслуга внутреннего реализма, таким образом, заключается в том, что он выступает не просто рецепцией, но и развитием принципов учения Куна.

Вполне вероятно, что все парадигмы стремятся решить сходные задачи, среди которых главной является адекватное познание мира посредством научного знания. Существует плюрализм научных парадигм, каждая из которых в чем-то самодостаточна и индивидуальна. Наряду с коммуникацией и открытостью для интерпретаций, возможен момент парадигмальной самоизоляции, который существенен для оформления научной традиции. «Самое важное различие, возможно, в относящемся к интерпретации того, что Кун называет “существенным напряжением” – напряжением между допущением авторитета парадигмы, работы в ней и императивом все время задавать вопросы и творить новое», – отмечает Э. Коллинз [Collins, 2019, р. 209]. В предложенной Куном идее развития науки через смену парадигм мы видим позитивный смысл: стимул для творческой пытливости и создания новых форм, не дающих человечеству застыть в догматической успокоенности.

Список литературы

Гудмен, 2001 – Гудмен Н. Способы создания миров / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс: Логос: Праксис, 2001. 376 с.

Касавин, 2020 – Касавин И.Т., Порус В.Н. Возвращаясь к Т. Куну: консервативна ли «нормальная наука»? // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 1. С. 6–19.

Крипке, 2010 – Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. с англ. В.А. Ладова и В.В. Суровцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 256 с.

Кун, 2002 – Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 608 с.

Кун, 2014 – Кун Т. После «Структуры научных революций» / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ, 2014. 443 с.

Лакатос, 2022 – Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ; история науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 269–524.

Макеева, 1996 – *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996. 190 с.

Патнэм, 2002 – *Патнэм Х.* Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Праксис, 2002. 296 с.

Рорти, 1997 – *Рорти Р.* Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. 320 с.

Селларс, 2021 – *Селларс У.* Эмпиризм и философия сознания / Пер. с англ. Г.С. Рогоняна. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 218 с.

Фейерабенд, 2010 – *Фейерабенд П.* Прощай, разум / Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с.

Фейерабенд, 2020 – *Фейерабенд П.* Убийство времени. Автобиография / Пер. с англ. В. Зацепина. М.: Rosebud Publishing, 2020. 367 с.

Целищев, 2021 – *Целищев В.В.* Философский раскол: логика vs метафизика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 336 с.

References

Tselishchev, V.V. *Filosofskiy raskol: logika vs metafizika* [Philosophical Discrepancy: Logic vs Mataphysics]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitaciya”, 2021. (In Russian)

Collins, Evans, 2019 – Collins, H., Evans, R. “Populism and Science”, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 4, pp. 200–218.

Feyerabend, P.; A.L. Nikiforov (trans.) *Proshchay, razum* [Farewell to Reason]. Moscow: AST: Astrel’, 2010. (Trans. into Russian)

Feyerabend, P.; V. Zacepin (trans.) *Ubiystvo vremeni. Avtobiografiya* [The Murder of Time. Autobiography]. Moscow: Rosebud Publishing, 2020. 367 pp. (Trans. into Russian)

Goodman, N. *Sposoby sozdaniya mirov* [Ways of Worldmaking]. Moscow: Ideya-Press, Logos, Praksis, 2001. 376 pp. (Trans. into Russian)

Kasavin, I.T., Porus, V.N. “Vozvrashchayas’ k T. Kuhn: konservativna li ‘normal’naya nauka’” [Turning Back to Kuhn: Is Normal Science Conservative?], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 1, pp. 6–19. (In Russian)

Kripke, S.; V.A. Ladov, V.V. Surovcev (trans.) *Vitgenshtejn o pravilah i individual’nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Moscow: “Kanon+” ROOI “Reabilitaciya”, 2010. (Trans. into Russian)

Kuhn, T. *Struktura nauchnyh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST, 2002. (Trans. into Russian)

Kuhn, T.; A.L. Nikiforov (trans.) *Posle “Struktury nauchnyh revolyucij”* [The Road Since Structure]. Moscow: AST, 2014. 443 pp. (Trans. into Russian)

Lakatos, I. *Fal’sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel’skikh programm; istoriya nauki i ee racional’nye rekonstrukcii* [The Falsification and the Methodology of Scientific Programs, History of Science and Its Rational Reconstructions], in: Kuhn, T. *Struktura nauchnykh revolyucij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST, 2002, pp. 269–524. (Trans. into Russian)

Makeeva, L.B. *Filosofiya H. Patnema* [H. Putnam's Philosophy]. Moscow: IFRAN, 1996. (In Russian)

Moleski, 2020 – Moleski, M.X. “Polanyi vs Kuhn: Worldviews Apart”, *The Polanyi Society*. Retrieved October 19, 2020, pp. 9–19.

Putnam, 1990 – Putnam, H. *Realism with a Human Face*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1990.

Putnam, H.; T.A. Dmitriev, M.V. Lebedev (trans.) *Razum, istina i istoriya* [Reason, Truth and History]. Moscow: Praxis, 2002. (Trans. into Russian)

Putnam, 2001 – Putnam, H. *Representation and Reality*. Cambridge (Mass.); London: A Bradford Book: The MIT Press, 2001.

Rorty, R.; V.V. Celishchev (trans.) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1997. (Trans. into Russian)

Searle, 2010 – Searle, J. *Making the Social World*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Sellars, U.; G.S. Rogonyan (trans.) *Empirizm i filosofiya soznaniya* [Empiricism and the Philosophy of Mind]. Saint Petersburg: EU SPb, 2021. (Trans. into Russian)